

Сейчас деревушка Шатель уже не существует, она стала частью г. Морá (Муртена). В архиве этого города я обнаружила книгу регистрации актов гражданского состояния – правда, не первую, а вторую ее часть (Bürger-Registre II, 1929), где зарегистрирована семья уже не Герцена, а его сына.

Отмечу, что с 26 июня по 3 октября 1973 г. в одной из самых замечательных и старинных библиотек Западной Европы – Женевской публичной и университетской библиотеке – проводилась выставка “Вокруг Александра Герцена”, устроенная проф. Ф. Монье при участии проф. С. Стеллинга-Мишо (теперь уже покойного). На выставке представлены были автографы Герцена, его личные вещи, изобразительные материалы, книги. Все это собрание было приобретено библиотекой у наследницы внука Герцена Николая Александровича, профессора Лозаннского университета, жительницы города Аарау г-жи Этель Нагель в 1967 г. (см. “Лит. наследство”, т. 96, с. 625). Позднее эпистолярные материалы этого собрания, полные глубокого интереса, были выпущены в Женеве под редакцией С. Стеллинга-Мишо отдельным сборником, названным “Autour d’Alexandre Herzen” (“Вокруг Александра Герцена”) и почти полностью переизданным в русском переводе на страницах тома 96-го “Лит. наследства” и отчасти в настоящей книге (“Письма Герцену польских демократов”).

Экспозиция, пользовавшаяся большим успехом, состояла из шести разделов: “Герцен и его близкие”, “Герцен и Женева”, “Герцен и Карл Фогт”, “Герцен и Достоевский”, “Герцен и Карлейль” и “Книги”.

Отдел периодики Женевской библиотеки, называющийся “Зал Монье”, украшен портретом Герцена работы Таты Герцен (1867, холст, масло). Из этикетки мы узнаем, что это не подлинник, написанный во Флоренции (см. его воспроизведение в т. 62 “Лит. наследства”) и не авторское повторение, а копия художницы Клеманс Биюде (Viaudet).

Я выразила желание ознакомиться с тыльной стороной холста, и дирекция библиотеки любезно пошла мне навстречу – картина была снята со стены. На холсте была сделана регистрационная запись по-французски и по-русски: «Александр Иванович Герцен-Искандер, Александр Иванович Герцен, Москва 1812 – Париж, 1870. Оригинал Натали Герцен, 186... Копия снята мадемуазель Клеманс Б и о д е. 1909. Даритель – г-жа Этель Нагель. “Аарау»». Далее к своему удовольствию я обнаружила дарственную (русскую) надпись Таты Герцен, обращенную к ее любимому племяннику Н.А. Герцену в день его тридцатипятилетия:

“Дорогому моему Ник.

Zia (Тетушка *итал.*) Тата 5-го июня 1908 г.”

Подлинник портрета всегда висел на почетном месте в лозаннской квартире Таты. Вероятно, Николай Герцен, боготворивший своего прославленного деда, просил ее снять для него копию. Сама Тата уже сделать авторского повторения не могла, ей было под семьдесят, живопись она бросила лет тридцать назад. Вследствие этого снять копию она поручила посторонней художнице. Дата 1909, по-видимому отмечающая завершение работы над копией, не совпадает с *дарственной надписью*. Если это не описка художницы, то, может быть, она продолжала еще несколько месяцев трудиться над уже подаренной работой.

В 1976 г. во время беседы с проф. С. Стеллингом-Мишо по поводу недавней выставки он передал мне экземпляр описи ее экспонатов. Отмечу особо несколько из них: золотые часы Герцена, металлическую булавку для галстука, украшенную изображением венецианского льва с колонны на площади Св. Марка и полотняный портфель коричнево-серого цвета.

О золотых часах проф. Монье сообщил мне следующее: на их внутренней крышке выгравировано по-французски: “Андре Люде. Площадь де Берг, № 8 в Женеве. Стрелка. Восемь рубинов”. Часы заводились ключиком; им же переводились стрелки. Надо думать, что они куплены были в магазине самого часовщика рядом с отелем де Берг, где в 1849 г. длительное время жил Герцен.

Т.П. ПАССЕК О “ДОКТОРЕ КРУПОВЕ”

Сообщение М.К. П е р к а л я

“Доктор Крупов” принадлежит к числу наиболее значительных и в то же время недостаточно изученных произведений Герцена 1840-х годов. Повесть постоянно привлекает к себе внимание исследователей, однако ее творческая история до сих пор остается неясной, что объясняется почти полным отсутствием источников.

Рукопись “Доктора Крупова” неизвестна. В письмах Герцена работа над повестью не отражена. Единственное упоминание мы находим в письме Герцена к жене от 8 октября 1846 г., когда она давно уже была закончена. На завершающей стадии работы Герцен интенсивно переписывался с Белинским и, как видно из ответных писем критика, делился с ним творческими планами. К сожалению, эти письма тоже неизвестны (*Белинский* XII, 254–255).

Из писем Белинского мы знаем, что “Доктор Крупов” предназначался для альманаха “Левиафан”. Подготовка этого издания началась в конце 1845 г., когда Бе-

линский принял окончательное решение отказаться от сотрудничества в “Отечественных записках”. Сообщая об этом Герцену 2 января 1846 г., он просил прислать для публикации в альманахе его сочинения и прежде всего вторую часть романа “Кто виноват?” (там же, 255). Ссылаясь на свои обязательства перед Краевским, Герцен ответил на это вежливым отказом, но в то же время обещал написать для “Левиафана” новую повесть (см. XXII, 443). “Времени мало (...) Чтобы ты успел написать новую повесть – невероятно, даже невозможно”, – отвечал Белинский (Белинский, XII, 256). Но Герцен вскоре подтвердил свое обещание, предложив для альманаха два произведения – “Сороку-воровку” и “Доктора Крупова”. “Мысль записок медика – прекрасна”, – писал Белинский 19 февраля в ответ на не дошедшее до нас письмо Герцена, в котором он поделился с ним замыслом произведения. Позднее, извещая Герцена о получении рукописи “Доктора Крупова”, Белинский назвал повесть “превосходной вещью” (там же).

Издание “Левиафана” не состоялось, и “Доктор Крупов” был напечатан в “Современнике”.

Цензурная история повести также остается неясной. Никаких документальных материалов о прохождении повести в цензуре до сих пор не обнаружено. В письме к жене из Петербурга от 8 октября 1846 г. Герцен сообщал: «“Записки д-ра Крупова” пропущены с небольшими выпусками» (XXII, 261). Это единственное упоминание о “Докторе Крупове” не дает оснований утверждать, что повесть прошла цензуру в 1846 г. (см. IV, 332 и XXII, 421). В письме речь идет, скорее всего, не об официальном цензурном разрешении, а лишь о предварительном просмотре повести цензором. Герцен посетил цензора Петербургского цензурного комитета А.В. Никитенко. О радушно приеме, оказанном ему, упоминается в том же письме. Возможно, что Никитенко при встрече ознакомился по просьбе Герцена с рукописью “Доктора Крупова” и высказал свое компетентное мнение о возможности ее опубликования “с небольшими выпусками”. Почти через год после этой встречи повесть увидела свет в “Современнике” (цензурное разрешение 31 августа 1847 г.).

Купюры, сделанные цензурой, были, но-видимому, весьма значительны. Т.Н. Грановский, прочитавший повесть еще в рукописи до ее огубликования, обратил внимание на то, что в “Современнике” она напечатана “с большими выпусками” (“Лит. наследство”, т. 62, с. 92). Публикуя “Доктора Крупова” в сборнике “Прерванные рассказы” (1854), Герцен сделал следующее примечание: «Этот небольшой отрывок был помещен в “Современнике” 1847 года с значительными пропусками, сделанными цензурой. Мы его печатаем теперь в настоящем виде» (IV, 239). Этот авторский комментарий вызывает новые вопросы. Неясно, располагал ли Герцен за границей при подготовке “Прерванных рассказов” первоначальной рукописью и по ней восстановил текст или же на основании первопечатного текста создал новую редакцию повести. При сопоставлении обеих редакций лондонский вариант представляется более совершенным. Однако, печатая в 1854 г. повесть “в настоящем виде”, Герцен по неясным причинам опустил важные в идейно-художественном отношении детали, имевшиеся в “Современнике”.

В условиях почти полной неразработанности вопроса важнейшее значение приобретают воспоминания Т.П. Пассек “Из дальних лет”, напечатанные в 1882 г. в основанном ею журнале “Игрушечка” – еженедельном иллюстрированном издании для детей старшего возраста^{25*}. Пассек опубликовала здесь отрывок из “Доктора

^{25*} Под редакцией Т.П. Пассек журнал выходил в 1880–1887 гг. Программа утверждена была Главным управлением по делам печати 16 ноября 1879 г. (РГИА, ф. 777, оп. 3, ед.хр. 85). Первый номер журнала вышел 3 февраля 1880 г. По прошению Пассек 4 декабря 1882 г. издателем журнала был утвержден И.А. Пашков (там же, л. 29-а). Пассек сохранила за собой общую редакцию. В марте 1883 г. цензурой была запрещена предназначавшаяся для “Игрушечки” статья Пассек “Сон в весеннюю ночь”, в которой рассказывалось о встрече Гарибальди с Герценом и Огаревым (там же, л. 13, 30, 31). В январе 1886 г. за публикацию “тенденциозных статей” журнал был исключен из числа изданий, рекомендованных Министерством народного просвещения (там же, л. 50). 13 ноября 1887 г. в звании редактора “Игрушечки”, по გადაгайству Пассек, была утверждена А.Н. Тюфяева-Толиверова (там же, л. 64).

Крупова” под названием “Рассказ Саши”. Ему предшествует обширное предисловие, в котором Пассек вспоминает об истории написания публикуемого произведения и раскрывает реальный прототип его центрального героя Левки (№ 9, с. 265–283). Напечатанные в малоизвестном детском журнале, воспоминания Пассек не обратили на себя внимания герценоведов, не учтены в библиографии и оказались забытыми.

В предисловии к “Рассказу Саши” Пассек вспоминает о времени, проведенном с семьей И.А. Яковлева летом 1827 г. в селе Покровском. В этом имении, принадлежавшем братьям И.А. и Л.А. Яковлевым, Герцен бывал неоднократно. Каждое посещение Покровского оставляло в его жизни глубокий след. В июне 1843 г., вспоминая о двух предшествующих посещениях Покровского, Герцен записал в дневнике: «Каждая безделица в этом доме и в окольных местах напоминает мне меня в разные эпохи моей жизни; я нашел надпись, сделанную мною в 1827 году, и другую – в 1838. Какая поэма, роман, какой ряд событий и видоизменений между этими годами! (...) В 1827 я был пятнадцати лет, идеи древнего республиканизма бродили в голове, я верил непреложно, что “взойдет заря пленительного счастья”; тут, в этой комнатке, лежа на этом диване, я читал Плутарха, и свежее, отроческое сердце билось» (II, 286–287).

О своей жизни в Покровском в разные годы Герцен рассказал и в “Былом и думах” (IX, 100–101). Эту часть мемуаров Пассек широко использовала в предисловии к “Рассказу Саши”. Почти дословно воспроизводит она описание барского дома и окружающего его ландшафта – зеленого луга, обнесенного решеткой; ветхой, покосившейся церкви; запруженной реки, на которой с давних пор собирались поставить мельницу; проселочной дороги, проходившей через село и пропадавшей во ржи. Вслед за Герценом Пассек пишет о нравах покровских крестьян. Упоминает она и о старом камердинере Л.А. Яковлева Кашинцове, сосланном на житье в Покровское “за какую-то ничтожную вину” и всю остальную жизнь мечтавшем увидеть своего барина “в кавалериях и регалиях”.

Вместе с тем, рассказ Герцена дополняется в воспоминаниях Пассек интересными подробностями. В ее памяти сохранилась во всех деталях картина приезда семьи в имение: “Наступил июнь. Наконец после долгих сборов мы едем в Покровское до осени (...) С нами привезено было человек десять прислуги и на подводах всякой всячины. В четырехместной карете ехали отец и мать Саши, еще не старая, очень добрая женщина, Саша и я; в коляске – брат Саши, Жорж, старше его на несколько лет, и няня Вера Артамоновна; за коляской шла просторная бричка с четырьмя горничными девушками, тарантас с поваром Спиридоном Федоровичем и поваренными принадлежностями да подводы, верхом навьюченные пожитками (...) По приезде нашем в Покровское все скоро было устроено и размещено по принадлежности. Дед^{26*}, постоянно всем недовольный, нездоровый, тотчас удалился в свою спальню и лег в постель отдохнуть...”

Пассек вспоминает, что летом 1827 г. в Покровское дважды приезжал Л.А. Яковлев (“Сенатор”), “человек чрезвычайно добрый и всегда в забавном расположении духа”. Его приезд вносил оживление в однообразную жизнь семьи. “Даже дед, – пишет Пассек, – постоянно всем и всеми недовольный, не бранил никого. К общему сожалению, сенатор пробыл в Покровском только три дня. Он, как всегда, куда-то спешил – в сенат, в институт, где был попечителем, в опекунский совет, в какие-нибудь ученые заседания, на бале он оставался не более получаса, в театре – одно или два действия”. Вторично “Сенатор” приехал в Покровское вместе с Г.И. Ключаревым, поверенным в делах братьев Яковлевых. Кроме них, в Покровском некоторое время гостили К.И. Зонненберг и домашний врач И.А. Яковлева А.А. Иовский.

Рассказывая о жизни в Покровском, Пассек вспоминает, что она и Герцен “много читали, много готовили сочинений” для учителя русского языка И.Е. Протопопова.

^{26*} И.А. Яковлев. – *Ред.*

Сильное влияние на юного Герцена произвела встреча с жившим в Покровском пастушонком Алешей. Этот четырнадцатилетний мальчик, считавшийся глупорожденным, по свидетельству Пассек, послужил прототипом образа Левки в повести "Доктор Крупов". Пассек пишет: «Одной из любимых прогулок наших было ходить на село в то время, когда догоняли с поля скотину. Сидя на завалинке около старостинной избы, мы с наслаждением вслушивались в звук пастушеского рожка, вслед за которым медленно вступало в село стадо и расходилось по своим дворам. Их встречали женщины и дети с длинными хворостинами в руках. Пастух, хлопая бичом, шел за стадом, к нему добровольно пристал мальчик лет четырнадцати – круглый сирота, считавшийся глупорожденным, звали его Алешей. Белокурый, бледный, худой, с добродушно-беззаботным выражением лица, Алеша шел всегда за стадом, играя на берестовом рожке какую-то однообразную, успокоительную мелодию. Приюта постоянного у Алеши не было, крестьяне поочередно пускали его к себе ночевать и кормили за то, что он иногда помогал пастуху при стаде; впрочем, помощь от него была невелика, большей частью он уходил в поле. В лесу, в поле он был у себя, дома: в поле знал он лучшие места для скота, в лесу – где было больше грибов и ягод; плавал он в реке, как рыба, по деревьям лазал, как белка, ловко доставал гнезда с маленькими птичками – иных, не трогая с места, кормил. Птиц он любил страстно, но еще больше любил собак, а собаки, точно чувствуя это, ласкались к нему. Приходя ночевать в избу, он всегда спешил уйти в подклеть или на огород. Говорил очень мало и плохо. Все крестьяне жалели бедного мальчика, но, считая его глупорожденным, полагали как бы долгом издеваться над ним, даже ребята находили удовольствие издеваться над ним, бросать в него камнями из-за угла. Алеша молча вставал с места, на все оскорбления как-то детски пожимал плечами и, встряхивая головой, уходил куда-нибудь (...) Нрава Алеша был тихого, кроткого, никогда не раздражался шутками над ним, большей частью жестокими, взрослые, натешившись над ним, надразнивши его дураком, слабоумным, отходя, довольные собой, говорили: "Не надобно обижать Алешу, – он юродивый, божий человек"».

Пассек вспоминает, что она и Герцен жалели несчастного мальчика, ласково говорили с ним, угощали лакомствами, иногда давали денег, с которыми Алеша не знал, что делать, и обыкновенно отдавал их хозяевам той избы, в которой ему приходилось ночевать. Постепенно Алеша привык к ним и при встрече останавливался в ожидании ласкового слова или гостинца. Алеша, добавляет Пассек, страстно мечтал о медной трубе, которой хотел бы заменить свой берестовый рожок, и при каждой встрече просил купить ему медную трубу.

Так выглядел прототип Левки.

Создавая образ Левки в повести "Доктор Крупов", Герцен, разумеется, не стремился к точному воспроизведению конкретной личности. Некоторые обстоятельства жизни Алеши вообще не нашли отражения в рассказе Герцена. В то же время безродный сирота, лишенный пристанища, скитающийся из избы в избу, наделен стройной биографией, его характер детально разработан. "Натура восприимчивая и впечатлительная, – писал Белинский о Герцене в связи с "Доктором Круповым", – автор сохранил в памяти своей многие образы, поразившие его еще в детстве. Легко понять, что выводимые им лица не суть чистые создания фантазии, это скорее мастерски обделанные, а иногда и вовсе переделанные материалы, целиком взятые из действительности" (Белинский X, 326).

Глупорожденный крестьянский мальчик, подвергающийся гонениям и издевательствам, оказывается выше окружающих его "нормальных" людей – к такому выводу Герцен подводит читателей.

По свидетельству Пассек, мысль о "родовом, хроническом безумии", которую проповедует доктор Крупов, впервые возникла в сознании Герцена именно в Покровском как результат его раздумий о судьбе пастушонка Алеши. Пассек пишет: "Видя, как не только крестьяне, но и наши дворовые считали вправе оскорблять и обижать Алешу, – мы с Сашей долго не могли придумать, что за странное наслаждение находят они унижать, мучить это смиренное, невинное существо, никогда

не сделавшее вреда; наконец Саша стал объяснять это тем, что все эти люди не в полном разуме, только на свой лад, и сердятся на Алешу за то, что он глуп по-своему”.

Заключительная часть предисловия к “Рассказу Саши” представляет особый интерес для выяснения творческой истории “Доктора Крупова”.

В литературе о Герцене считается установленным, что повесть была написана в необычайно короткий срок. На основании писем Белинского и авторских датировок “Сороки-воровки” и “Доктора Крупова” В.А. Путинцев приходит к следующему заключению: «Две недели отделяют “Сороку-воровку” от другой повести Герцена – памфлетических записок “Доктора Крупова”... Белинский торопил с присылкой повести, и Герцен, закончив “Сороку-воровку”, тотчас принялся за “Крупова”». Объясняя исключительную интенсивность творческой работы Герцена (кроме повестей для “Левиафана”, Герцен готовил к печати вторую часть романа “Кто виноват?”), В.А. Путинцев высказал предложение, что идейный замысел “Доктора Крупова” давно отложился в сознании Герцена, и это позволило ему написать произведение в столь короткий срок (В.А. Путинцев. Герцен-писатель. Изд. 2-е. М., 1963, с. 118).

Из воспоминаний Пассек выясняется, что не только замысел произведения давно возник в сознании Герцена, но и сам текст будущей повести в первоначальном варианте был написан после возвращения из Покровского. Пассек пишет: «Все это^{27*} подало мысль Саше написать очень милый рассказ, по возвращении нашем из Покровского, о жестокости и несправедливости бесчеловечного обращения с глухорожденными и помешанными. Спустия несколько лет он был напечатан в расширенном виде в одном из наших журналов. Мы помещаем в “Игрушечке” рассказ Саши о глухорожденном Алеше, под именем Левки, в его первоначальном виде».

Далее в журнале следует “Рассказ Саши”.

Долгое время воспоминания Пассек “Из дальних лет” пользовались репутацией недостоверного источника. Исследования А.Н. Дубовикова утвердили значение ее труда как серьезного источника для изучения жизни и творчества Герцена и Огарева. Не вызывает сомнений и достоверность воспоминаний, напечатанных в “Игрушечке”. Свидетельство Пассек может служить достаточным основанием для включения рассказа о сельском пастушонке Алеше в составленный Л.Р. Ланским обзор “Неизвестные произведения и неосуществленные замыслы Герцена” (XXX, 840–900). Остается неясной лишь заключительная фраза предисловия к “Рассказу Саши” – о том, что произведение Герцена печатается в “первоначальном виде”.

Публикация в “Игрушечке” продолжила широко проводившуюся Пассек популяризацию произведений Герцена в русской подцензурной печати. Отрывок из “Доктора Крупова” под названием “Левка” вошел в изданную в 1866 г. книгу “Для чтения. Сборник повестей, рассказов, стихотворений и популярных статей для детей всех возрастов. Составлено и издано Е. Лихачевой и А. Сувориной”. Совет Главного управления по делам печати в феврале 1866 г. вынес постановление “о неудобствах распространения этой книги”. Министром народного просвещения вскоре было разослано секретное предписание попечителям учебных округов, чтобы книга “к употреблению” в учебных заведениях не была допущена (“Красный архив”, 1940, № 1 (98), с. 251).

Благодаря Пассек одно из лучших художественных произведений Герцена стало доступным для русских читателей 1860-х годов.

^{27*} Имеются в виду обстоятельства, связанные со встречей с Алешей. – М.П.